

свойственна аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания, ...нечеткость этнических границ», основан главным образом на сведениях об австралийцах и папуасах; если же взять, например, североамериканских индейцев (на материалах о которых Ф. Энгельс основывал понятие «племени»), то картина будет совершенно иной. Не бесспорен и вывод об «активизации этничности» в эпоху рабовладения; представление о делении людей на «нас» и «варваров», на которое ссылается М. В. Крюков, в основе своей является не этническим, а культурным. Во многих случаях именно в эту эпоху прежнее четкое «племенное» самосознание сменялось этнически аморфным, оттесняемым на задний план государственным или иным самосознанием. Здесь уместно сослаться опять-таки на Ф. Энгельса, который указывал, что римское гражданство «не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» и что «для громадной массы людей... единственно объединяющей силой служило римское государство»¹⁵.

Разработка исторической типологии этносов является нужным, но нелегким делом, и чтобы она не разрушилась, как прежняя трехступенчатая конструкция, над ней следует основательно потрудиться. Дискуссионно-статейным методом такую задачу вряд ли решишь; отведенного места здесь едва хватает, чтобы изложить собственную позицию и сделать кое-какие замечания о мнениях других участников. Мне жаль, например, что не пришлось более подробно остановиться на рассуждениях А. И. Першица и на очень оригинальной позиции Ю. И. Семенова; естественно, мне хотелось бы знать отношение других участников дискуссии и к моим взглядам. Для решения данной задачи, видимо, требуется обстоятельная монография, к созданию которой этнографам, по правде сказать, следовало бы уже давно приступить. Весьма полезным оказалось бы и проведение устной дискуссии с привлечением специалистов других наук.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 146—147.

Г. Е. Марков

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема этноса, впервые поставленная в широком плане С. М. Широкогоровым¹ и развитая в его последующих трудах, не получила большого отклика у зарубежных исследователей: можно найти лишь немногие работы, в которых этот вопрос в какой-то мере затрагивается². Значительно больший интерес проявили к проблеме этноса русские и советские ученые, а начиная с 1970-х годов она становится в связи с работами Ю. В. Бромлея одной из центральных в этнографии³. Ведется исследование фундаментальных вопросов теории этноса, признаков и характера этнических общностей, ставятся вопросы их типологизации, изучаются закономерности этнических процессов на разных этапах человеческой истории. По проблеме этноса уже вышло в свет значительное число работ. Однако, как видно из содержаний публикаций, а также результатов прошедших в последние годы дискуссий и обсуждений, многое связанное

¹ Широкогоров С. М. Этнос. Шанхай, 1923.

² См., например: Wahle E. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen.— Sitzungber. Heidelberger Akad. Wissenschaft (phil.-hist. Kl.), 1940/41, Abh. 2; Jahn K. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte.— Verhandl. Sächsischen Akad. Wissenschaft (hist.-phil. Kl.), 1953, B. 99, H. 3.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; его же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, и др.

с этим кругом проблем остается спорным. Об этом свидетельствует, в частности, статья М. В. Крюкова об исторической типологии этнических общностей, в которой рассматриваются особенности этносов и этнических процессов в условиях различных социально-экономических формаций, начиная от первобытности и до эпохи социализма⁴. Автор выдвигает в принципе вполне обоснованное предположение о том, что каждому историческому этапу свойственны свои, причем принципиальные особенности развития этнических процессов. Однако, соглашаясь с такой мыслью в целом, надо сказать, что характер этих особенностей нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Наиболее сложно дать характеристику этнических процессов и этнических общностей в эпоху первобытности. В опубликованной недавно статье А. И. Першица всесторонне и убедительно показаны все трудности, связанные с исследованием проблем первобытного общества и интерпретацией этнографического материала⁵. М. В. Крюков, как представляется, недостаточно учел особенности фактических данных по австралийцам и папуасам, используемых им для реконструкции. И те и другие известны нам по наблюдениям, сделанным в новое и новейшее время, когда вся совокупность их жизнедеятельности несомненно сильно отличалась от ситуации в древности. К тому же рассматриваемые народы, обитающие в специфических условиях среды, существенно отличаются по хозяйственно-культурным признакам и по характеру этнических общностей от народов, обитавших некогда на обширных просторах зоны умеренного климата, субтропиков и Арктики. Вследствие этого вызывает известное сомнение правомерность распространения на все народы первобытности предположения о том, что архаическим этническим общностям свойственна аморфность их специфических признаков, низкий уровень этнического самосознания (часто отсутствие самоназвания), нечеткость этнических границ (см. с. 69). Если эти признаки и присущи австралийцам и папуасам, то едва ли они характерны для этнических процессов всей ойкумены древности, тем более что за десятки тысяч лет первобытности ситуация с этническими общностями должна была исторически развиваться в соответствии со складывавшимися условиями жизни, что требует детализации этнических процессов на каждом историческом этапе внутри каждой формации и в разных историко-этнографических областях мира⁶.

Следующий период в типологии этнических общностей М. В. Крюков связывает с эпохой античности, когда, как он полагает, происходила «активизация этничности», что выражалось в наличии отчетливо выраженного этнического самосознания, причем в качестве примера приводятся греки (см. с. 67). Думается, однако, что как австралийцы и папуасы не позволяют составить представление об универсальной модели этнических общностей первобытности, так и греки — это только частное явление. Тем более что представление о «нас» (греках) и «прочих» (варварах) отражает не столько этническое, сколько культурное различие. Да и сами греки едва ли столь определенно воспринимали жителей всех полисов как членов единого этноса. Что же касается этнической ситуации у «варваров», многие из которых создали мощные рабовладельческие государства, то точка зрения греков вообще ничего не дает для ее характеристики.

Трудно целиком согласиться и с тем, что развитие феодализма связано со стагнацией этнических общностей и с тем, что средневековые общности утрачивали свой дискретный характер, а этнические отношения оттеснялись на второй план социальными отношениями иного рода (с. 67,

⁴ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. — Сов. этнография, 1986, № 3.

⁵ Першиц А. И. Спорное и бесспорное в истории первобытного общества. — Вестн. АН СССР, 1985, № 2.

⁶ Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни. — В кн.: Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977; его же. Структура и исторические типы образа жизни. В кн.: Этнографические исследования истории культуры. М.: Наука, 1985, с. 251 сл.

68). Думается, что нельзя противопоставлять этнические и социальные отношения. Это явления разного порядка, выполняющие различные функции и не вступающие друг с другом в противоречия. Едва ли высказанная М. В. Крюковым мысль может найти подтверждение в широком фактическом материале. Так, арабы эпохи возникновения халифата, персы в Сасанидском Иране, эфиопы в Аксумском царстве и множество других народов являются достаточно убедительными свидетельствами активных этноконсолидационных процессов в раннем и более позднем средневековье. Даже во Франции, раздираемой религиозными войнами, и католики и протестанты достаточно определенно осознавали себя французами.

Верна мысль, что в эпоху кризиса феодализма наблюдались предпосылки для интенсификации этнических связей. Однако не следует забывать, что в основе наших рассуждений нередко лежат субъективные критерии, не всегда адекватно отражающие живую действительность. Ход процессов мог зависеть не только от формационных условий, но и от конкретной политической ситуации, социальных и прочих явлений. В качестве примера можно привести Германию первой половины XIX в. и, скажем, баварцев, которые считали возможным во многих случаях противопоставлять себя прочим немцам (это имело не только политическую, но и этническую окраску).

К сожалению, автор рассматриваемой статьи, отмечая, что Ю. В. Бромлей не предложил соответствующей этнической терминологии (с. 64), сам также не выдвинул новых предложений.

Теперь об основных параметрах обсуждаемой проблемы. Зачастую в литературе, в том числе и в статье М. В. Крюкова, те или иные типы этнических общностей связываются с определенными общественно-экономическими формациями; проблема этим, так сказать, генерализуется. Конечно, в самом общем виде такой подход возможен. Но нельзя упускать из виду, что на самом деле действительность значительно разнообразнее и сложнее, поэтому обобщающий подход может привести к противоречиям между теоретическими построениями и фактическим материалом.

Как представляется, этнос как этническая категория (племя, народность и т. п.) часто выступает в исследованиях в качестве некоего статичного образования, существующего без особых изменений на протяжении целой формации. Однако этносы, к каким бы эпохам они ни относились, и какие бы формы ни принимали, представляют собой живые, исторически постоянно и достаточно быстро развивающиеся явления, которые проходят за время своего существования в рамках определенной общественно-экономической формации ряд фаз развития, причем в разных географических, социальных, политических и других ситуациях синхронные и формационно однотипные общности могут выглядеть по-разному. Именно поэтому не всегда правомерна, как говорилось, попытка создания генеральной типологии этнических общностей по формационному признаку. Таким образом, думается, что этнические процессы следует типологизировать не в связи с целыми социально-экономическими формациями и всеми народами мира, стоящими на одной и той же стадии развития, а в рамках близких по социально-экономическим, политическим и прочим условиям существования групп народов и, что главное, с учетом исторической изменчивости этнических общностей в пределах одной общественно-экономической формации. Поэтому, например, сказать «народность феодальной эпохи» — значит практически ничего не сказать, так как за несколько столетий такая общность претерпевает ряд исторических трансформаций.

Что касается сложного вопроса о нациях и народностях в новое и новейшее время, то и здесь можно отметить существенные исторические изменения. Ряд признаков этих общностей видоизменяется, ослабляется или вовсе теряется, что стирает различия между ними. В одних случаях на основе одного прежнего этноса складываются в государствах с разным политическим строем и социально-экономическими отношениями

разные нации, при том, что сохраняется сознание принадлежности к одной национальности, как то в ГДР и ФРГ.

В условиях советского многонационального государства происходит изменение признаков наций, утеря их части и появление новых вследствие все более тесной экономической интеграции между национальностями республиками и областями, братской взаимопомощи народов нашей страны, интенсивных миграционных процессов, культурного взаимовлияния. При этом все большее значение приобретает в сознании и практической жизни принадлежность к надэтнической, исторически сложившейся общности, единому советскому народу наряду с сохранением сознания принадлежности к той или иной национальности. В связи с этим можно согласиться с мнением М. В. Крюкова о том, что при коммунизме этническое деление будет постепенно утрачивать свое значение (см. с. 69).

В целом же следует еще раз подчеркнуть, что этнические общности представляют собой исторически развивающиеся явления. Изменчивы также степень консолидации или дискретности этнических процессов. При этом на протяжении одной общественно-экономической формации характер этнических общностей и этнических процессов может существенно меняться. Одни их признаки могут исчезать, а новые возникать. Все это требует строгого учета конкретно-исторических особенностей этнических процессов в условиях различных историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов на разных этапах общественно-исторического развития.